

Шнитников В.Н. Скалы и осыпи. Барс, ирбис – *Felis irbis* Shreb. // Млекопитающие Семиречья – Москва. - Ленинград: АН СССР, 1936. С. 4/4-49, 111-114.

Скалы и осыпи

Многочисленные выходы горных пород, которые мы ветререче не только в горной его части, но и в низменности, дают о выделения таких мест в виде самостоятельной станции, которая вполне хорошо характеризуется как своим животным миром, так и свою флору.

Выходы горных пород мы наблюдаем то в виде отдельных камней, скал, целых голых каменных гор или отвесных стен в виде нагромождений продуктов их разрушения — каменных осыпей из обломков более или менее крупных размеров или же скоплений еще более мелкого материала — щебня и гальки.

Хотя могло бы казаться, что голые камни должны быть лишены и всякой жизни, но в действительности мы здесь встречаем целый свой особый мирок как животный, так и растительный. Есть целый ряд видов растений свойственных именно каменистым местам, где они умеют прекрасно добывать необходимые для них питательные вещества, внедряясь корнями в трещины и промежутки между камнями.

Как уже сказано, каменистые места встречаются по всему краю, вне зависимости от высоты данного пункта над уровнем моря (хотя в горах они конечно, и более развиты), а так как состав растительности, наоборот, находится в особенно резкой зависимости от последней, то естественно, что и флора каменистых мест низменности будет сильно отличаться от соответственной высокогорной флоры.

Для скалистых мест низменного Семиречья можно привести, напр., такие виды:

ковыль (*Stipa capillata*, *S. orientalis*), с е л е у (*Aristida pennata*), рябчик (*Fritilaria* sp.), лук (*Allium globosum*), гусиный лук (*Gagea chlorantha*, *G. bulbifera*), кызылча (*Ephedra procera*), т е р е с к е н (*Eurotia ceratoides*), ревень (*Rheum Rhaponticum*), а к - т ы к е н (*Atraphasis lanceolata*), ломонос (*Clematis songarica*), желтые маки (*Glaucium liteum*, *G. elegans*, *G. squamigerum*), хохлатки (*Corydalis rutaefolia*, *C. longiflora*), каперсы (*Capparis herbacea*), репка (*Cotyledon affinis*), бобовник (*Amygdalis nana*), б а я л ы ш (*Salsola arbuscula*), таволжка (*Spiraea hypeticifolia*), герань (*Geranium tuberosum*), акация (*Caragana tragacanthoides*), вьюнок (*Convolvulus fruticosus*), змееголовник (*Dracosephalum heterophyllum*, *D. nutans*), иссоп (*Hyssopus officinalis*), *Acantolimon diapensoides*, *Eremostachys molucelloides*, *Lagochilus diacanthophyllus*, валерьяна (*Valeriana caespitosa*), патриния (*Patrinia intermesia*) и полынь (*Artemisia laciniata*).

Ничего общего с этой флорой мы не находим на каменистых местах на больших высотах, где нельзя встретить ни одного из перечисленных видов.

Диаметрально противоположные климатические условия влекут за собою образование здесь и совершенно иного состава растительного покрова, приспособленного к жизни при низкой температуре и избытке влаги, притом при полном отсутствии здесь того, что мы называем почвою.

И большинство типичных альпийских растений превосходно уживается на, казалось бы, абсолютно бесплодных нагромождениях щебня и более крупных обломков камней, а также на голых скалах и таких же голых галечниках и, благодаря этому, являясь характерными для высоких альпийских лугов, столь же характерными должны считаться и в качестве представителей флоры описываемой станции.

С большинством из них мы уже ознакомились при описании альпийского луга, так что я возвращаюсь к ним не буду и добавлю только несколько неупомянутых раньше видов, как-то: я с к о л к а (*Cerastium trigynum*), д р е м а (*Lychnis apetala*), *Thylacospermum*

rupifragum, Callianthemum alatavicum, Braya Scharnhorsti; камнеломка (Saxifraga oppositifolia), Cancrinia chrysocephala, Tanacetum Scharnhorstii, Saussurea invilucrata.

Некоторые из этих растений обладают специальными приспособлениями для жизни среди щебня в виде длиннейших корней, а, напр., у *Parrya flabellata* под поверхностью щебня скрывается и самый шнуровидный стебель, так что наружу торчат только щитки цветов.

Другие растения, приспособляясь к исключительным условиям существования, успели настолько изменить даже весь свой облик, что на первый взгляд не похожи не только на цветковые растения, но и на растения вообще, напоминая скорее покрытый мхом камень, как мы это видим, напр., у *Thylacospermum rutifragum*.

Переходя теперь к животному миру, мы увидим, что среди него тоже есть целый ряд представителей, вполне типичных именно для описываемой станции. Впрочем, это относится, главным образом, к птицам, так как среди млекопитающих типичными для горных осыпей можно назвать только сеноставцев (*Ochotona rutila* и *O. macrotis*), и каменную полевку (*Alticola worthingtoni*) и вообще для каменистых мест на больших высотах — горного козла (*Capra sibirica*) и барса (*Felis irbis*). Кроме названных видов в осыпях в большом количестве живу: еще лесная мышь (*Apodemus sylvaticus tokmak*) и горностаи (*Mustela erminea*) и встречается кунница (*Mustela foina*) и изредка мышевка (*Sicista tianschanica*). В трещинах скал ютятся еще летучие мыши, но они не поднимаются высоко в горы, и относительно видового их состава у меня почти никаких данных нет.

Все названные животные, кроме летучих мышей, свойственны исключительно более или менее значительным высотам и в низменном Семиречье не встречаются, причем никто их здесь не заменяет, так что скалистые места низменности очень бедны млекопитающими.

Не особенно богаты они и типичными видами птиц, хотя несколько таких мы и можем назвать. Сюда принадлежат: кеклик или горная курочка (*Caccabis chukar*), синий каменный дрозд (*Monticola cyanus*), поползень (*Sitta tephronota*), горный стрижек (*Cotyle rupestris*), городская ласточка (*Chelidon urbica*), обыкновенный стрижек (*Cypselus apus*), черный аист (*Ciconia nigra*), горные овсянки (*Emberisa cia par* и *E. buchanani*), каменный воробей (*Petronia petronia*) и стенолаз (*Tichodroma muraria*). Впрочем, все эти виды селятся не только внизу, но идут и довольно высоко в горы. Исключительно в осыпях, притом не поднимаясь особенно высоко, гнездится еще розовый скворец (*Pastor roseus*). Мы можем тут встретить на гнездовье и еще десяток видов, но уже не являющихся типичными для данной обстановки, а одинаково охотно селящихся и в иных условиях.

Следующая группа также строго характерных для скал и осыпей видов принадлежит уже к числу жителей высокогорных районов, и вниз представители этой группы спускаются только во время зимних кочевок или, как крупные грифы, в поисках за пищей.

Наибольшие высоты из числа этих видов занимают на гнездовье бородач (*Gypaetus barbatus*), белоголовый сип (*Gyps fulvus*), кумай (*Gyps himalayensis*), альпийская галка (*Pyrrhocorax alpinus*), большая горихвостка (*Rutitilla sewertzowi*), горный вьюрок (*Montifringilla alpuicola*), в особенности же *Pyrrhospiza punicea humii* и *Leucosticte brandti*. Ниже могут быть встречены улар (*Tetraogallus himalayensis*), горный голубь (*Columba rupestris*), алтайский; кречет (*Hierofalco altaicus*), балобан (*Falco sacer*), стержвятик (*Neophron percnopterus*), клушица (*Pyrrhocorax graculus*), альпийская завирушка (*Accentor rufilatus*), большая чечевичка (*Carpodacus rubicillus*) и *Fringillauda altaica*. вполне типичных для нашей станции пресмыкающихся в Семиречье нет, но преимущественно здесь можно встретить серого геккона (*Gymnodactylus russowi*) и, пожалуй, аблофара (*Ablepharus alaicus*).

Из этого перечня мы видим, что описываемая станция отличается исключительным богатством строго типичными для нее формами, причем особенно велико здесь процентное отношение числа таких видов к общему составу населения.

42. Барс, ирбис — *Felis irbis* Schr.

Для барса указываются следующие районы обитания в Ср. Азии: Тянь-Шань, Памир, Бухара и Копет-Даг.

В Семиречье он до настоящего времени не составляет редкости, а для южной его части может считаться даже и довольно обыкновенным. Некоторую иллюстрацию в этом случае могут дать следующие цифры заготовок барсовых шкур по южному Семиречью за первые 3 квартала 1931 г.

Районы I—II кв.	III кв.
Чуйский 2	
Фрунзенский 5	
Беловодский 2	Общее число
Балыкчинский 4	по
Иссыккульский 1	всем районам
Джетгы-огузовский 1	
Нарынский 9	
Сталинский 2	
Каракольский 21	
Итого 44	9

Итого — 53 шт. За тот же период по северному Семиречью не показано ни одной шкуры. Однако это вовсе не соответствует действительному соотношению численности барса на юге и на севере нашего края. На деле барс распространен по всему Семиречью, встречаясь как в Центральном Тянь-Шане, так и во всех главных хребтах, за исключением, вероятно, Тарбагатай. Прямых сведений относительно последнего у меня нет, Однако в северной половине края он действительно попадается значительно реже, чем на юге, так что весьма вероятно, что настоящей его родиной должен считаться Центральный Тянь-Шань. По крайней мере, южнее, на Памире, насколько мне известно, он становится опять более редким.

В районе же Центрального Тянь-Шаня в прежнее время не только постоянно попадались на рынке барсовые шкуры, но в руки специалистов-промышленников — С. И. Абрамова и И. Е. Неживых попадало много и живых барсов, на которых постоянно был хороший спрос на заграничном рынке. и которые поэтому всегда составляли существенную часть каждого звериного транспорта, отправлявшегося названными лицами за границу.

Так, при осмотре мною в 1912 г. «хозяйства» Абрамова я застал у него одновременно несколько штук барсов, если не ошибаюсь, около 10. Следует сказать, что за это время положение вряд ли изменилось в отрицательном направлении, так как для этого не было никаких причин. Весьма вероятно, что барсов в Семиречье стало даже больше, чем прежде, как мы это определенно знаем относительно некоторых других крупных животных.

И встречаются они не только в каких-нибудь глухих уголках, а нередко и совсем близко от населенных пунктов, даже таких крупных, как столица Казахстана — Алматы. В самом деле, во время посещения мною в 1928 г. долины Б. Алматинки там был убит барс наблюдателем гидрометрической станции, расположенной всего в 30 км от г. Алматы, причем убил он его, идя на обычные наблюдения. После того барсов там встречали не раз, и к 1933 г. мне говорили, что есть они на Б. Алматинке и теперь.

Передавали мне также, что барсы живут даже в Мало-Алматинском за-роведнике, т. е. еще ближе к Алматы, всего в каких-нибудь 20 км. Есть ни и в ущелье р. Туяк в Александровском хребте, километрах в 15 от большого курорта Иссыгаты, и в 60 км от Фрунзе (здесь один добыт в июне 1930 г.). Наконец, найдены они в 1932 г. нашей экспедицией, и притом даже в довольно большом числе, в долине р. Коры, в 15 км от Копала. Последний факт особенно показателен, так как в прежнее время в этих местах

барсы хотя и встречались, но были более редки, чем теперь.

Здесь я привел только такие факты, которые мне пришлось установить, так сказать, непосредственно, при посещении упоминаемых пунктов в самое последнее время. И если барсы не являются редкостью в Заилийском и даже Джунгарском Алатау, притом в наименее удаленных и изолированных их частях, то, конечно, они должны быть еще более обыкновенными там, где их и прежде было много и где теперь почти не бывает нога человека, как во многих местах Центрального Тянь-Шаня, в роде, напр., сыртов системы Сарджаса, верховий Нарына или долины Аксая. Барс является у нас типичнейшим жителем гор и притом даже, в частности, более или менее значительных высот. Вряд ли он когда-нибудь спускается ниже 2500 м, разве лишь в зимнее время; верхние же пределы его обитания трудно установить. Несомненно, впрочем, что он следует за теками до той высоты, до которой поднимаются они, т. е. до 4 и более тысяч метров.

Главную добычу барса являются типичные жители обитаемых им мест— горный козел или т е к е (*Capra sibirica*) и горная индейка или улар {*Tetraogallus himalauenses*), а на сыртах по Сарджасу с его притоками Тюз и Адертер, вероятно, преимущественно многочисленные там архары (*Ovis poloi*). Зная необыкновенную осторожность и чуткость теков, остается только удивляться ловкости и умению барса, избравшего основой своего стола столь трудно добываемую добычу. С большим искусством ловит он и уларов, как известно, также очень осторожных. Даже промахнувшись на прыжке, он часто все-таки успевает поправить дело, мгновенно подпрыгнув кверху и выхватив лапами улара из взлетевшей стайки.

Возможно, что барсу случается когда-нибудь утащить где-нибудь на джанляу и барана, как об этом упоминает Д. Н. Кашкаров, но лично мне ни разу не пришлось слышать в Семиречье ни о чем подобном, так что если это здесь и бывает когда-нибудь, то, очевидно, крайне редко.

На человека же барс, безусловно, никогда не нападает даже раненый. И местные киргизы настолько мало его боятся и относятся к нему с таким, можно сказать, пренебрежением, что мне лично известны два случая, когда киргизы поймали взрослого барса без помощи каких-либо иных приспособлений, кроме своих халатов, которые они в таких случаях сразу, по команде набрасывают на зверя и затем, быстро навалившись на него, связывают его веревками или просто кушаками и в таком закутанном виде, совершенно беспомощного, увозят. Одного такого закутанного и связанного барса киргизы привезли осенью 1911 г. в Копал, где я в то время жил. Наткнулись они на него случайно в горах, всего в нескольких километрах от города. В другом случае поимки барса участвовал сам Садырбек Абдыбеков в компании с несколькими другими киргизами, причем на этот раз они заметили барса раньше, чем он их, и им удалось окружить его и напасть на него в таком месте, где ему некуда было от них уйти. Впрочем, барс, в общем довольно мало боится человека или, может быть, недостаточно осторожен. По крайней мере, очень часты случаи встречи барса на самом близком расстоянии и, кроме упомянутых двух, мне известны такие случаи и еще.

Так, на той же Б.-Алматинской гидрометрической станции наблюдатель, сменивший того, который убил там барса в 1928 г., проходя с ружьем склону ущелья, всего в нескольких сотнях метров от своей метеорологической будки, подошел вплотную к барсу, очевидно, спавшему за камне около которого он остановился. Не видя сам барса и не подозревая о его присутствии в двух шагах от себя, наблюдатель настолько испугался когда зверь, вероятно, не менее испуганный, чем он, с громким ревом выскочил из-за камня и большими прыжками помчался в горы, что забыл о том, что у него за плечами винтовка и что надо стрелять.

В другом случае работавший в одной из экспедиций студент на повороте тропинки также вплотную наткнулся на спящего барса, который при этом даже не проснулся.

Совершенно инстинктивно и не думая о возможных последствиях, студент выхватил бывший при нем револьвер и выстрела в упор в голову барса, убив его наповал.

В Копале один из местных казахов убил летом 1908 г. барса в долине Кору прямо топором после того, как зверь был окружен собаками на поваленном дереве. Наконец, топограф Н.В. Дмитриев, работая с мензуром в районе сыртов Сарджаса, заметил на самом близком расстоянии от себя огромного барса, которого тут же и застрелил из винтовки.

По сообщению Неживых, детенышей барсы приносят обыкновенно двух - самца и самку, и только однажды ему попался выводок из трех котят — двух самок и самца. Родятся барсята обыкновенно около середины мая (15/V 1913 найдено было гнездо с 2-дневными барсятами), но иногда и несколько позже, так что он имел в своих руках 5 выводков июньских и 1 даже июльский. Однако, в последнем молодые оказались слабыми и в неволе не выжили, хотя вообще барсята выкармливаются без труда.